

ЗНАМЕНАТЕЛЬ И ЧИСЛИТЕЛЬ ТЕАТРА-СТУДИИ

МОЖНО с полной уверенностью утверждать, что любой студент театральной вуза мечтает о своем, не похожем ни на какие другие, театре. Не были исключением и молодые люди, ставшие в 1984 году студентами Ленинградского института театра, музыки и кинематографии актерского класса народной артистки РСФСР Тарисы Малева. Сегодня для 12 из них мечта сбылась. Они организовали театр-студию под руководством своего учителя. И уже первая программная постановка коллектива свидетельствует о том, что новый театр не собирается идти легким путем.

Первый спектакль «Мы пришли», поставленный по пьесе молодого ленинградского драматурга Олега Ернива режиссером Олегом Пальмовым. Это программная работа. В пьесе затронута тема Афганистана. Сложная, требующая особого подхода. Здесь мало обладать актерским и режиссерским мастерством, малейшая человеческая фальшь, неискренность, способны загубить постановку, опустить ее до уровня дешевой конъюнктуры. Как сказать об этой войне, чтобы не оскорбить памяти павших?

Пьеса, а за ней и спектакль, говорят правду, рискуя вызвать неодобрение тех, кто хочет забыть Афганистан, словно кошмарный сон. Но ведь вернувшиеся оттуда не растерялись без следа. Они ускорили процессы, связанные с объединением общества, — вот об этом и размышляют создатели спектакля.

Молодые парни входили в Афганские колоннады, объединенные общей судьбой, а вернулись каждый со своей болью, со своим ответом на вопрос: как жить дальше? Спектакль предлагает нам внимательно взглянуться в судьбы трюх, чтобы понять всю глубину трагедии каждого, кто был отправлен на смерть во имя прекрасных, но, к сожалению, не очень приложимых к данному случаю идеалов интернационализма. Утат, Андрей (актерист Станиславский) — тяжело раненный в Афганистане, вынужден сегодня применять обезболивающий наркотик. Незаменимый лидер компании, он, кажется, и жив еще только благодаря почти мальчишеской вере в окончательное торжество справедливости. Толя (актерист А. Пономарев) — ерничкошый красавец, по-своему находящий выходы из практически любого положения. Петя (актерист В. Хозиянов) — максималист и драчун, в чем-то еще очень похожий на ребенка. Когда-то, не задумываясь, он вступил в драку с милицией, хотел воспрепятствовать сня-

тию с гробов табличек «Погиб в Афганистане». В результате Петя имеет уже и судимость, и нервное припадание.

Захватывает и сам по себе неожиданный поворот сюжета: трое бывших военнослужащих приходят в дом директора университета Козырева (его играет артист В. Коробов) и судят его судом чести, предлагают покончить с собой, оставляя предсмертную записку, ничего не выжидая в его смерти. Имеют ли право эти парни на самосуд? На жестокость?

Не буду пересказом разрушать детективное построение сюжета, скажу только, что жить, осознавая свою вину, иногда сложнее и страшнее, чем умереть. Есть в постановке еще один герой — Алексей (актерист И. Веллик). Существовавший уже в другом измерении — погибший товарищ афганцев, он как бы предстает перед внутренним взором героев в кульминационные моменты, вызывая к отпущению. Но и оставшаяся самосуд. Его неуспокоенная тень, как вышедший суд совети, будет тревожить наше общество до тех пор, пока каждый не задает себе вопрос: а так ли я живу? И буду ли я молчать, «как цуцки» из песни Гребенщикова, «своя будет ладить торговля всем, что можно продать, включая наших детей?» Эта песня звучит в спектакле.

Молодые актеры, особенно исполнители ролей афганцев, еще неопытны. Они очень волнуются перед выходом на сцену. Правда, неровное, зачастую сбивчивое «дыхание» спектакля придает происходящему на сцене краску дополнительной достоверности. Чувствуется в этом волнении юношеское стремление высказаться как можно полнее о том, что наболевало. Не хочется останавливаться на просчетах постановки — она, конечно, есть, не может не быть у молодого, только еще начинающего жать коллектива.

Но при всех недочетах это спектакль, заявляющий о серьезных намерениях нового театра-студии и его руководителя — Ларисы Малева.

Сегодня мы хотим напомнить человеку, что у него есть душа, пробудить ее от глубокого летаргического сна, в который она погружалась под воздействием вульгарного материализма. Это мы берем в знаменатель своей программы, — говорит Малева. — Но если психологический театр — это знаменатель, то, выражаясь математически, в числителе должен быть поиск новых выразительных средств. Нас увлекает разгадка тайны творчества, исследование скрытых резервов человеческой природы, в

том числе и актерской. Нам интересен актер мыслящий, короче говоря, молодой, творческий, это всего интереснее актер «выступающий», проявляющий своей игрой, живыми тонами партнеров и зрителей. В спектакле, где действуют такие актеры, возникает магнетическое напряжение, поле. А режиссер должен быть влюблен в актера. И, конечно же, он должен уметь создавать из сценки условия для творчества актера, поле, в котором возникает магнетизм. Мы ищем таких режиссеров. Так, например, к новому году спектакль для детей готовят у нас Вячеслав Широки.

К спектаклям «Мы пришли» и «Рождество» прибавятся еще постановки «Театр, театр, театр...» по зарубежному албанскому пьесе А. Фугарда «Здесь живут люди». Первая премьера будет в конце ноября, вторая, — надеюсь, в марте.

Наш студенческий коллектив, как и многие другие, существует в рамках двухгодичного эксперимента Ленинградского управления культуры. Как шутят в театр-студии, это — эксперимент над руководителями театров и их коллективами. Выживут или не выживут. А если серьезно, то мы не знаем, чем обязаны управлению культуры, хотя финансово и художественно отчитываемся перед ним, не получая от него ни копейки. Да еще выслушиваем упрямые и нерентабельности и убыточности, хотя непонятно, кому и какой убыток мы наносим, если на театр-студию никто не потратил ни копейки. Хотя и в государственной, и в охрану авторских прав и т. д. мы отчисляем систематически. А если учесть, что ни у кого практически нет своих залов, то даже играть приходится из экономии редко, арендная плата за зал 700 рублей в вечер, тогда как государственными театрами эксплуатация их залов обходится, для сравнения, в такую же сумму, но за месяц. Мы понимаем, что свое здание нужно заслужить, хотя, когда негде репетировать, трудно вытравить уровень художественности. Нам еще повезло, репетируем, хотя и урывками, на сцене ДК «Профтехобразования» — у нас с ними договор, — и где придется. Соревновать и мечтать о своем помещении, которое мы нашли на Васильевском острове и теперь помогаем ремонтировать. Возможно, через год устия договоренность с Ленгорисполкомом обретет свои законные черты.

А недавно ездили мы на Всемирный фестиваль в Югославию. Вернувшись домой, продолжали репетиции.

И. ОБРАЗЦОВА